

Вячеслав БУТУСОВ:

Я иногда забываю, что счастлив!

Беседовала
Алена Вислякова

Будучи кумиром миллионов в качестве лидера культовой группы «Наутилус Помпилиус», Вячеслав Бутусов спустя 8 лет после прощального погружения легендарной «подлодки» вновь «на плаву», на сей раз со своим новым коллективом «Ю-Питер». Как не изменить себе, суметь выжить в условиях всеобщего снижения уровня культуры, оставаться настоящим интеллигентом, играя при этом рок-музыку?

Об этом мы беседовали с Вячеславом в гримерке перед началом питерского концерта. Сразу для себя я отметила некоторые перемены во внешнем облике и поведении артиста — передо мной был очень живой, ироничный, чуть-чуть даже нагловатый мужчина, глаза которого излучали какое-то спокойствие, доброту, мудрость и одновременно с этим иногда как-то озорно поблескивали.

— Слава, перемены в тебе связаны с недавним рождением сына?

— Ну, это те метаморфозы, которые происходят с каждым из нас. Знаешь, у всех нас бывают просветления, бывают помрачения, и во мне это очень явно выражено. Я в этом смысле эгоист очень жесткий — если радуюсь, то радуюсь по полной программе. Если мне плохо, то я делаю вид отвращения в такой же степени. Поэтому стараюсь не расплескиваться в последнее время. Вот после рождения сына случилась какая-то неожиданная трансформация сознания. Я очень долгое время был в таком обреченном состоянии, и произошла совершенно мистическая вещь — я ожил, я взбодрился, а это главное.

— Бытует мнение, что у настоящих мужчин рождаются дочери. У тебя их целых три...

— Ну сама понимаешь, что бытовое мнение и вообще мнительность — это вещи если не слабые, мягко говоря, то просто ненужные. Мнительность сродни человеческой слабости, любовью — типа «мышеловимства» и прочего... (Смеется.) В общем, не надо на это обращать внимания, на эти догадки, исковерканные выводы. Догматы, может, и были какие-то у наших бабушек и дедушек, но мы их настолько исковеркали, что сами уже не понимаем их смысла. Я, например, не слышал такого категоричного заявления, что настоящий мужчина тот, у которого дочери рождаются, но я знаю, что в те периоды, когда война уже задала, считалось очень хорошим признаком рождение девочек. Это значило, что наступает период, когда люди смогут отдохнуть от войны. Вот это старинное поверье я знаю.

И даже то, что касается этой триади-ческой системы — родить сына, построить дом и посадить дерево, — даже этого недостаточно, оказывается! Дальше там непонятно откуда появляются уже какие-то подпункты типа «убить змею» и т.п. — и так до бесконечности. Стоит только втянуться в это дело, как начинают на тебя наседавать какие-то демоны — давай сделай то, давай это... (Смеется.)

— Участие во всяческих попсовых премиях, «граммофонах», фестивалях относится к этим «демонам»? В последнее время тебя многие в этом упрекают...

— Да правильно все это! Но я уже устал об этом думать! Как только я начинаю влезать под эту «лупу», мне становится жарко, душно и тесно. Я вообще не понимаю, зачем себя ограничивать какими-то рамками — музыка, живопись, литература... Не надо ничего этого делать, по крайней мере по отношению к себе лично! Конечно, я несколько коряво формулирую и декларирую подобные вещи, мысли и заявления, но слишком уж все дифференцировано сейчас. И надежда есть только одна: все, что сейчас так мелко порезано, как зелень для салата, до такой степени скоро измельчится — все эти «подстили», «подэстетика» и прочая мелочь, — что в конце концов превратится сначала в кашу, потом в пыль, потом смешается с воздухом, а потом мы вообще перестанем это замечать! И это, я считаю, переход человечества на совершенно другой уровень восприятия. То же самое, как мы смотрим с земли в космос и видим там какую-то звездную пыль иногда, но плохо представляем себе, что это на самом деле при ближайшем рассмотрении. Так и тут! Все это должно превратиться в какую-то пыль — все эти разделения на такую-то музыку по цветам, по темпам, по электронике, по ритмам и прочей чепухе. Все эти дифференциации в конце концов приводят меня, по большому счету, к печальной мысли о фашизме, о тоталитаризме.

— Ну не знаю, меня слегка покорило на фестивале в Юрмале, когда Николай Басков объявил «легенду русского рока Вячеслава Бутусова»...

— Ну и правильно, пусть объявляет! А что такого? Не я ведь объявлял Баскова, а он меня. И я не вижу в этом ничего страшного! Если я с чистым сердцем, искренне что-то делаю, то от этого будет только польза. Другое дело, что я не всегда ухитряюсь перебороть ситуацию и иногда не скрываю своего отвращения к тому, в чем участвую, но с этим приходится смиряться. Нужно набраться мужества и приобретать какую-то крепость!

ИГОРЬ ХАРИТОНОВ/ГОСПОД

Так, как, например, Костя Кинчев, который выстроил в общем-то определенное свое измерение, и это измерение все крепчает и расширяется. И рано или поздно он убедит еще большее количество людей, что он идет правильным путем и что все то, о чем он не говорит, а всего лишь умолкает, в конце концов созреет в головах и у других людей.

— Ты считаешь, что кричать со сцены: «Мы — православные!» — это правильно?

— А он об этом и не кричит! Почему-то люди в основном только эту чепуху воспринимают, но не понимают основных вещей, о которых он говорит...

— А о чем говорит группа «Ю-Питер»? Какой ваш основной посыл?

— Да нет никакого основного послыла. Что это такое: «посыл»? Это когда ты что-то посылаешь. Ну тогда я могу это сформулировать следующим образом. Я бы с большим удовольст-

вием послал всю «мракобесовщину» куда подальше, и это был бы отличный посыл! Но для этого, знаете, надо сначала укрепиться духом, тогда это все произойдет само собой.

— Ваша программа называется «Имя звезд» и составлена из песен Вячеслава Бутусова и Виктора Цоя. Это надо понимать как намек?

— Да нет, в данном случае нужно акцентировать таким образом, что программа составлена исходя из возможностей Вячеслава Бутусова и Юрия Каспаряна, и я не претендую на вокальные партии Виктора Цоя ни в коем разе! Я всего лишь хочу дать возможность Юрию Каспаряну блеснуть перед публикой, потому что публика в первую очередь такие вещи воспринимает на одиозном уровне. Ну и потом, могу сказать, что я получил массу удовольствия, когда мы начали эти песни разучивать. Я никогда в жизни, если не считать такого робкого эксперимента с песней «Звезда по имени Солн-

це», не пытался их разучивать. Они мне всегда нравились, но я никогда так «обиходно» — у костра или за столом — их не исполнял. Поэтому могу сказать, что я сохранил необходимую «девственность» для того, чтобы просто набраться сил и уверенности и спеть наконец эти песни.

— Помимо цоевских звучат ведь и твои песни...

— Звучат те песни, которые считаются так называемым репертуаром, то есть тем, что нужно исполнять со сцены и не насиловать публику, потому что, в отличие от нас, зрители воспринимают все несколько иначе. Они приходят и видят ее раз в год, ну или в полгода, а мы ее играем, по сути, еженедельно. Поэтому наше восприятие очень сильно отличается от того восприятия, которым обладает зритель. И мы собрали те песни, которые считаем легкодоступными для любого человека, уделившего нам частичку своего внимания.

— «Наутилус Помпилиус», совместный проект с «Deadушками», теперь вот «Ю-Питер»... Какой из них ты считаешь наиболее удачным?

— Это мое субъективное мнение, конечно. Я в данном случае ценю сейчас такие вещи, как коллектив, в котором существует здоровая атмосфера. Раньше этого в общем-то не ценил, а сейчас, видимо, наступил тот момент, когда я стал такие вещи понимать. И я очень благодарен судьбе за то, что сейчас работаю с таким составом, и это мне просто какой-то подарок, честное слово! Я имею в виду всех — и музыкантов, и администрацию, и техников — весь состав! Меня просто как будто куполом накрыли от всяких искушений, от всякой этой «кривизны», от всей этой «тусовки», от всего этого раздражения поверхностного, от всей этой возни «околобуфетной»... Ну я, конечно, тоже очень стараюсь в этом поднатореть (улыбается). Но это факт, что у нас собралась такая команда, с которой я просто чувствую в себе уверенность, и потому я очень ценю этот момент — такие вещи быстро не происходят. У нас прошло больше трех лет, и только теперь я могу об этом сказать уверенно.

— Можно ли в таком случае назвать Вячеслава Бутусова счастливым человеком?

— Можно сказать, что я счастлив всегда, когда меня не одолевают сомнения, потому что у меня в жизни было столько всего замечательного, что я не имею права просто так говорить, что несчастлив. У меня очень много хорошего было в жизни. Я просто иногда забываю, что счастлив. Серьезно! (Улыбается.) А вот когда я это вспоминаю, у меня возникает радостное ощущение жизни.